

Н. Н. Глухова

Йошкар-Ола

Символика цвета в марийских народных песнях

Символ

Будучи одним из основополагающих понятий философии, эстетики, искусства и филологии, символ имеет длительную историю изучения, интерпретации и осмысления. Непреходящее значение для символогии в российской науке имеют труды А. Ф. Лосева. В одной из своих работ автор предлагает логический анализ девяти составляющих ‘моментов’ символа, классификацию типов символов, к которым относит символы научные, философские, художественные, мифологические, религиозные, человеческо-выразительные, идеологические и побудительные, а также выше-технические (Лосев 1995, 264–274). Символ сопоставляется с такими категориями искусства и литературы, как знак, аллегория, персонификация, художественный образ, тип, метафора, миф.

В работах о символе Ю. М. Лотмана указывается, что символ и в плане выражения, и в плане содержания представляет собой некоторый текст, т.е. обладает единым – замкнутым в себе – значением и отчетливо выраженной границей, позволяющей ясно выделить его из окружающего семиотического контекста (Лотман 1992, 192). При этом символ выполняет роль семиотического конденсатора, посредника между синхронией текста и памятью культуры (Лотман 2000, 249). К ценным замечаниям о символе, относятся высказывания Ю. М. Лотмана об архаической природе символа и о том, что символы представляют собой один из наиболее устойчивых элементов культурного континуума.

Обобщение различных концепций о соотношении знака и символа, интерпретации символа в искусстве, литературоведении, философии, в различных направлениях и школах семиотики представлено и в публикациях последнего десятилетия. Так, история теоретического осмысления символа в философии, эстетике, филологии, психоанализе описана в работе С. С. Аверинцева, в которой достаточно большое внимание уделено пониманию символа в XX веке. С. С. Аверинцев указывает, что в западной философии в работах Э. Кассирера понятие символа рассматривается

им предельно широко: язык, миф, религия, искусство и наука считаются «символическими формами», с помощью которых человек упорядочивает окружающий его хаос. Универсальное понимание символа присутствует и в юнгианской школе (интерпретация человеческой символики через выражение архетипов), отличное от истолкования символа как психопатологического симптома З. Фрейдом (Аверинцев 2001, 155–161).

Обзор концепций зарубежных ученых, которые проводили изучение природы символов, используемых в разных культурах, ритуалах, представлениях, повседневной жизни, предлагается в статье Э. Тёрнер из энциклопедического издания о фольклоре *Folklore. Encyclopedia of Beliefs, Customs, Tales, Music, and Art* (Turner 1997, 25–29). Она кратко останавливается на работах Э. Дюркгейма и его школы во Франции в первом десятилетии XX века; упоминает работы Э. Сепира, который начал показывать сложность символа как многовалентного явления, имеющего много значений; указывает на исследования В. Тёрнера. Э. Тёрнер кратко напоминает о всем известном понимании символов З. Фрейдом, К. Г. Юнгом, Р. Фертом, К. Леви-Строссом, К. Гиртцем, Д. Хандельманом (Turner 1997, 28).

При определении и описании символов филологи, занимающиеся фольклором финно-угорских народов, ссылаются на работы российских ученых, исследовавших устное творчество славянских народов, в частности, А. Н. Веселовского, А. А. Потебни, Б. М. и Ю. М. Соколовых. В их исследованиях представлены объяснения психологического происхождения народной символики (Веселовский 1940, 107–117), раскрыт смысл отдельных символических образов на материале народной поэзии (Потебня 1989, 285–378), а также социальная сторона символики народной лирики (Соколов 1941, 125–456).

Принимая во внимание работы по тематике символа, в данной статье используется его рабочее определение. Под символом понимается объект/явление экстралингвистической реальности, обозначенный лексемой, которая в тексте песни есть собственно первый член двухчленной параллельной конструкции без второй части параллели. Символ рассматривается с учетом его названия, количества значений, вероятности использования, которая свидетельствует о его значимости в песенном жанре этноса.

Символизм цвета

Универсальными символами у всех народов являются цвета предметов. Теоретическими классификациями цветов, определениями их семантики, эмоционального воздействия на человека занимались ученые, художники, поэты, писатели, композиторы. Существует обширная литература по этим вопросам, к которой мы и отсылаем читателя (см. Вежбицкая 1996, 231–291; Гете 1957, 300–340; Дерибере, 1964; Фрумкина 1984; Яньшин 2006, 18–91; Berlin & Kay 1969 и др.).

В проанализированном материале марийских песен имеется около 2000 упоминаний четырех главных цветов цветового спектра, а также белого и черного цветов. Доминирующие цвета – *белый, черный и серебряный*, так как они составляют 59,3 % всех упоминаний в рассмотренных песнях. *Желтый, красный и зеленый* входят в следующую по частотности группу. *Синий, золотой, коричневый, серый* – завершают цветовую палитру марийских песен. В связи с этим интересно привести высказывания О. Шпенглера о символике цветов различных народов, которые свидетельствуют о совпадении семантики цвета в марийских песнях с интерпретацией цветов в античной культуре. Он указывает, что *желтая, красная, черная и белая* краски были типичны для античного периода в Греции, при этом *желтая и красная* – античные краски материи, близости, популярные цвета, цвета народных масс. *Синий и зеленый* – цвета уединения и одиночества, заботы, связи мгновения с прошлым и будущим, цвета судьбы (Шпенглер 2000, 360–374). в работе П. В. Яньшина «Психосемантика цвета» содержится раздел об эволюции цветовой лексики и обогащении цветового архетипа в различных языках и культурах, в котором автор, ссылаясь на исследования Берлина и Кэя (1969), указывает на первоначальное наличие простейшего цветового словаря, содержащего всего два обозначения – для черного (темного) и белого (светлого) цветов. К белому и черному далее добавляется красный, при этом желтые, оранжевые и коричневые на этой стадии могут быть включены в группу ‘красного’. Белый, черный, красный (и идущие за ними синий желтый и зеленый) значатся как наиболее ранние цветообозначения у многих народов (Яньшин 2006, 162–170).

С целью определения универсальных, межэтнических и уникальных символов цветов предметов финно-угров Урало-Поволжья была проанализирована цветовая гамма и семантика колоронимических символов на материале песен мари, мордвы, коми и удмуртов. Общую цветовую гамму составляют белый, черный, золотой, серебряный, красный и зеленый. Большое количество совпадений цветовой лексики отражает не только одинаковую анатомическую структуру цветового анализатора, но и определенную стадию развития культуры. Сочетание цветов и их значение у финно-угров отличаются от семантики цветообозначений, полученных на материале изучения цвета у других народов, что будет показано на материале песен марийского этноса.

Изученность марийского фольклора – песенный жанр мари

Рассматривая вопросы изученности различных жанров марийского фольклора, необходимо отметить, что сборанию и исследованию произведений устного народного творчества мари уделялось и уделяется значительное внимание. Многоаспектное изучение текстов фольклорных жанров

показало, что в сказках (Сабитов 1986, 38–55), мифах, легендах и преданиях (Акцорин 1972, 7–22; Калиев 2003), пословицах и поговорках (Китиков 1989), загадках (Китиков 1973; Saarinen 1991), молитвах и заговорах (Иванов 1975, 65–75; Петров 1993; Глухова 1996; 1998; Тойдыбекова 1997) получило концентрированное выражение этническое самосознание мари, его богатый духовный мир, эстетические и этические идеалы.

Особое место в фольклорном творчестве мари занимает жанр песни. Обзор классификаций, характеристикам марийских песен различных групп мари посвящены ряд специальных исследований, отдельные статьи, разделы коллективных монографий. В этих работах марийскими филологами были определены некоторые субэтнические различия песенного жанра, которые наблюдаются как в музыкальном сопровождении, так и в развитии сюжета и структуре песенного текста. Аналитическое описание их идей обобщено в монографии *Системы символов песен финно-угров Урало-Поволжья* (Глухов & Глухова 2012, 44–48). Собственно субэтнические характеристики песен восточных, горных и луговых мари, в частности, восприятие времени и пространства, впервые показаны в работе *Системная реконструкция марийской этнической идентичности* (Глухов & Глухова 2007, 25–44).

Система символов песен мари

В статье представлены результаты многостороннего анализа некоторых сборников, доступных для изучения жанров песен трех субэтносов с целью выявления общемарийской системы песенных символов без выделения субэтнической специфики. Комплексный анализ, примененный к текстам 2100 песен (Мари калык муро 1951; Марийские народные песни 1976; Кульшетов 1990; Эрвел марий муро-влак 1994; Песни горных мари 2005) позволил составить своеобразный рейтинг количества упоминаний видов названий символов – представителей флоры и фауны, цветов предметов, числительных, которые имеют символические значения в рассмотренных текстах.

На основании данных таблицы 1 для большей наглядности составляется диаграмма количества упоминаний видов символов в марийских песнях. Колоронимическая символика занимает в ней второе место. Символическому значению растительной символики уделялось значительное внимание в работах марийских филологов. Однако отдельного исследования символического значения цвета в песнях марийского этноса не проводилось. Поэтому в данной работе представлены результаты анализа цветовой символики марийских песен.

В проанализированных текстах имеется около 2000 упоминаний четырех главных цветов спектра, а также *белого, черного, серебряного и золотого цветов*. Статистический анализ дал следующее распределение названий цветов по частоте, показанное в табл. 2

№	Вид символов	Кол-во упоминаний	Вероятность
1	Растения, деревья, цветы, ягоды	2966	0,432
2	Цвета предметов	1554	0,226
3	Числа	882	0,128
4	Птицы	836	0,122
5	Животные	630	0,092
Суммы		6868	1,000

Табл. 1. Рейтинг количества упоминаний видов символов в марийских народных песнях

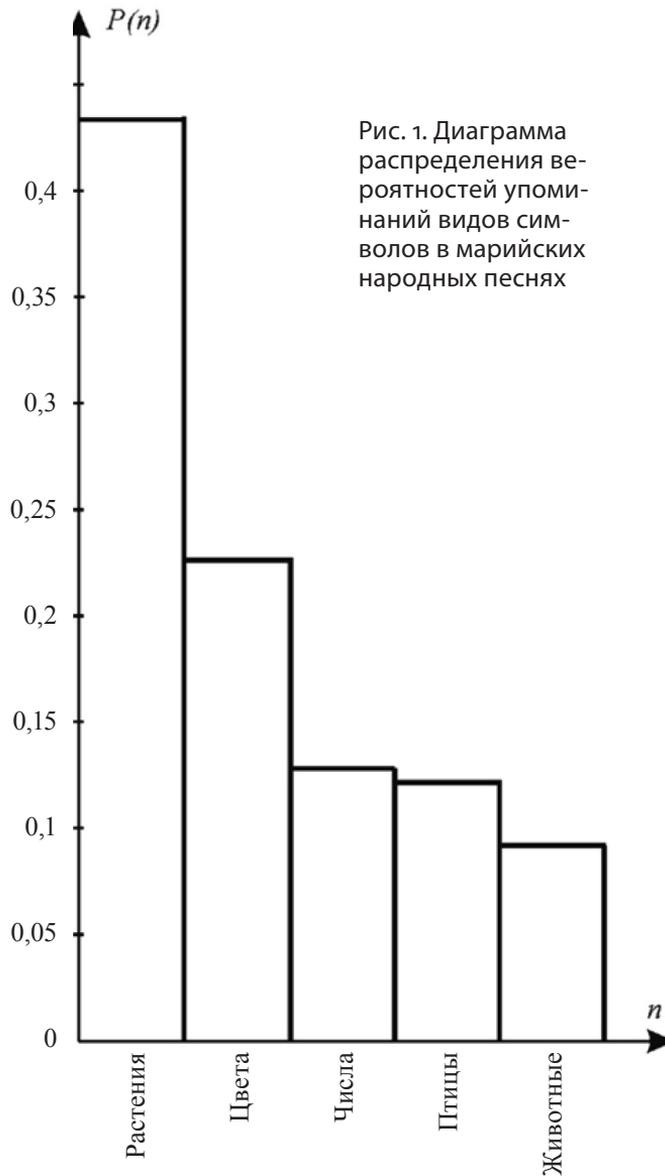

Таблица показывает, что доминирующие цвета в исследованном материале – *ош*, *ошо* ‘белый’, *шеш*, *шеме* ‘черный’ и *шиш* ‘серебряный’, так как они составляют 59,3 % всех упоминаний в рассмотренных песнях. *Нарынче* ‘желтый’, *йошкар*, *йошкарге* ‘красный’ (и его оттенки) и *ужарге* ‘зеленый’ входят в следующую по частотности группу, полученную приемом последовательной дихотомии (28,2 %). Третья и четвертая группы представлены оставшимися четырьмя названиями цвета: *канде* ‘синим’, *шёртнё* ‘золотым’ (12,5 %), *күрен* ‘коричневым’, *сур* ‘серым’ (3 %).

На основании данных таблицы можно составить диаграмму упоминаний цветов в марийских песнях.

Семантический анализ текстов дал основание для интерпретации десяти наименований цвета, которые выступают в предложениях в роли эпитетов. Однако цветовые характеристики и сами по себе могут иметь собственное значение. Можно рассмотреть это на примерах доминирующей группы. На последующие за ней группы в связи с ограниченностью размеров статьи предлагаются единичные примеры из песен.

Самый многозначный цвет в проанализированных песнях – *белый*. Исследователи марийского фольклора указывают, что в старинных лирических песнях с этой лексемой преобладают тавтологические эпитеты (Бердников, Тудоровская 1945, 55–63), как это видно и из следующего примера, где используется сочетание *ош куэ* – ‘белая береза’:

Пасу гына покшелне кугу тумо,
Кугу тумо йымалне – ош куэ.
Кугу тумо, ачаем, тинь улат,
Ош куэжын парчаже минь улам.
(Эрвел марий муро-влак 1994, 68)

Посреди поля – дуб большой,
Под большим дубом – белая береза.
Большой дуб, отец, это ты.
А веточки белой березы – это я.

Прилагательное «белый» ассоциируется со *счастливой жизнью в окружении родных* (Эрвел марий муро-влак 1994, 23, 61, 67); *светлую радостную жизнь в своей семье* (Эрвел марий муро-влак 1994, 41). При описании предметов быта лексема «ош, ошо» ассоциируется и с чистотой в доме (Эрвел марий муро-влак 1994, 225).

Прилагательное «белый» в качестве определения к предметам одежды девушки говорит о *наивности юности и надеждах* на безоблачную счастливую жизнь. Однако жизнь может пройти без исполнения заветных желаний:

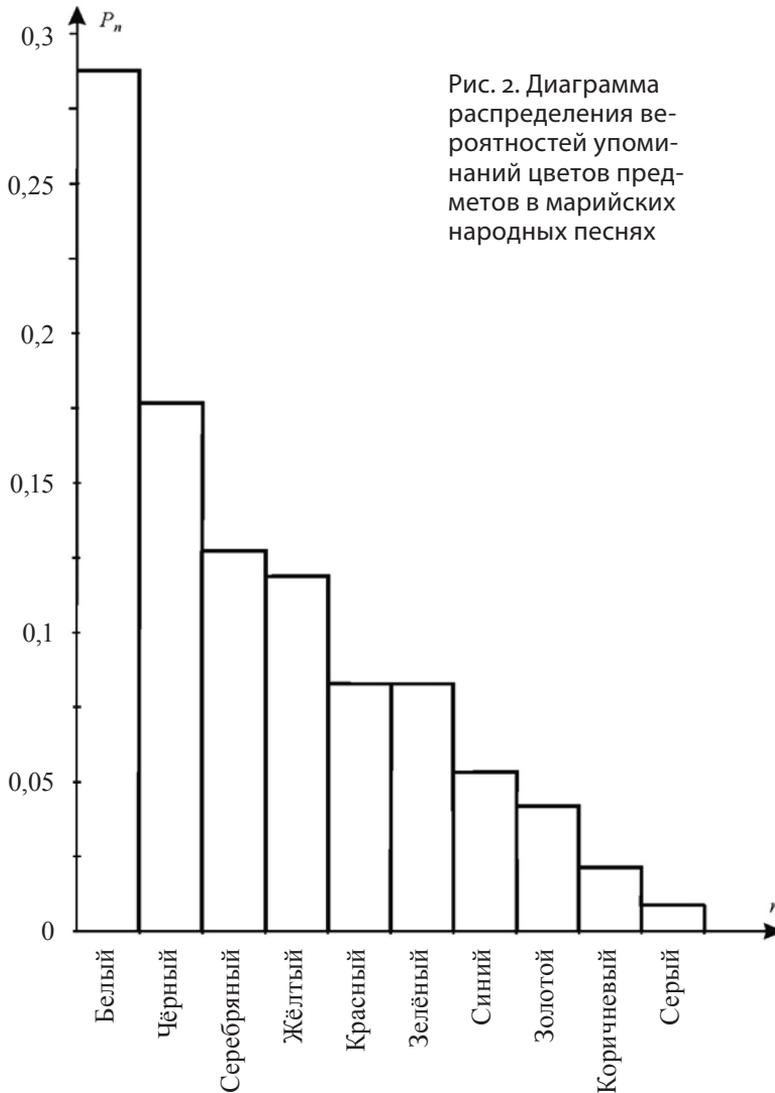
В белом шавыре, в шелковом платке
Не ходила на ярмарку, а девичий век
прошел. ...

В белом платье, фартуке красивом
Не бывала на посиделках,
А девичий век прошел.
(Песни горных мари 2005, 56–57.)

Белый цвет платочка девушки ассоциируется с ее *светлыми чувствами к молодому человеку*:

№	Цвет (название)	Кол-во упоминаний	Вероятность	№	Цвет (название)	Кол-во упоминаний	Вероятность
1	Белый	448	0,288	6	Зеленый	127	0,082
2	Черный	276	0,178	7	Синий	83	0,053
3	Серебряный	198	0,127	8	Золотой	66	0,042
4	Желтый	184	0,118	9	Коричневый	33	0,021
5	Красный, розовый, алый	127	0,082	10	Серый	12	0,008
					Суммы	1554	1,000

Табл. 2. Результаты анализа упоминаний цветов предметов в марийских народных песнях

Ош шовычым ошо гынат,
Эре мушмем веле шуэш,
Ала, йолташем, сыренат гынат,
Эре ужмем веле шуэш.
(Мари калык муро 1951, 151.)

Белый платок хотя и бел,
А вымыть всегда его хочется,
Милый хотя и сердит,
Взглянуть на него всегда хочется.

В песне *Арка ўмба́к кўзышыч мо?* ‘На пригорок взбирался ли ты?’ используется антитеза: белый – черный. Если *белый* цвет был символом *любви*, то *черный* цвет обозначает в данном контексте *конец романтических отношений*, *разлуку* девушки с любимым молодым человеком:

Арка ўмба́к кўзышыч мо?
Шем пыл каймым ўжыч мо?
Ой, йолташем, сырышыч мо?
Весе дене каймым ужыч мо?
Мыйже пушым ош перчаткым,
Тыйже пушыч шемемден.
Мыйже модым чон йбралтен,
Тыйже модыч кудалташ шонен.
(Мари калык муро 1951, 137–138.)

На пригорок взбирался ли ты?
Черной тучи лет видел ли ты?
Ой, мой друг, не сердись ли ты?
Что с другим я шла, разве видел ты?

Давала перчатки я белые,
Ты черными их возвратил,
Играла, любя я от чистого сердца,
Ты же играл, чтоб покинуть меня!

Белый цвет может выражать *горе поющей/поющего*, совпадая по своему значению с семантикой черного цвета.

Повязала белый платок,
И сама бледная.

Смотрели на бледное лицо мое,
О моем горе не узнал никто
(Песни горных мари 2005, 70–71).

Упоминание *черного* цвета в проанализированном материале ассоциируется с *горем*, *тоской поющего*:

Юа воктене олыкыштет шўшкен
Коштшо шўшпык минь ыльым,
Шем кожлашке пурымем годым
Имне кайыш вўд воктен,
Эй! Сагынальым тиньым ойлен.
(Мари калык муро 1951, 89.)

Возле речки Юа, на лужочке,
Был я распеваящим соловушкой.
Когда зашел я в темный (черный) лес,
Конь мой пошел вдоль берега.
Эх! Я вспомнил тебя с тоской.

Черный цвет ассоциируется с *чужбиной* (Эрвел марий муро-влак 1994, 136), а также может свидетельствовать о некоторой *опасности*, которая исходит от родственников:

Шем кожла корныжым легылдалаш
Шиште деч саре-лай имне кўлеш.
Ты гына-лай шочшем ден ойласалаш
Порсын дечат пушкыдо мут кўлеш.
(Эрвел марий муро-влак 1994, 20.)

Чтобы проехать по черному лесу,
Нужен конь саврасый, желтее воска,
Для разговора с этим родственником
Мягче шелка нужен язык.

Черный цвет при описании глаз девушек, часто в подразумеваемом сравнении с черной смородиной, свидетельствует о ее *сексуальной зрелости* и готовности к замужеству:

Курык кыдалне йошкар иснеге, На склоне горы – красная смородина (ягоды),
 Курык лай вуйышто шемшоптыр. На вершине горы – черная смородина.
 Шемшоптыр гане шем шинчат дене Черными, как смородинка, глазами, играя,
 Модыкталтын, мемнам савырет. нас увлекаешь.
 (Эрвел марий муро-влак 1994, 94.)

Как и в предлагаемом отрывке:

Глазами черными играя, Сперва мы просто приутомим,
 Красавца-парня приутомим. А там и в мужа превратим.
 (Поделков 1976, 98.)

Черный цвет может характеризовать красоту вещей, одежды, волосы любимой девушки.

Третьим по частотности в исследованном материале был определен *серебряный* цвет. Лексема *ший* в сочетании с существительными может иметь значение ‘красивый’, ‘любимый’, ‘дорогой’.

Лийдалалже ыле ший самбарем, Пусть бы был серебряный самовар,
 Шинчалалже ыле устембалнем: Пусть бы стоял он на столе,
 Лийдалалже ыле ышкемын йолташем, Пусть бы был у меня близкий друг,
 Шогалалже ыле пеленем. Пусть бы стоял всегда рядом со мной.
 (Кульшетов 1990, 124.)

В ряде примеров, определяя украшения (кольцо, серьги, бусы), слово ‘серебряный’ имеет прямое значение, указывая на металл, из которого выполнены ювелирные украшения, тем самым подчеркивая *материальное благосостояние человека* (Эрвел марий муро-влак 1994, 186), а также ушедшую молодость.

В песне *Айдыза лай ўдырлакем*. ‘Давайте-ка, подружки мои...’ сочетание прилагательного ‘серебряный’ с существительным ‘рыбки’ символизирует *девушек, игра рыбок – их кокетливое поведение* (Мари калык муро 1951, 235).

Айдыза лай ўдырлакем Давайте-ка, подруженьки мои,
 Вуд тўрышкő каена, На бережок реки мы выйдем
 Ой, колын игыжын, Да на игру серебряных рыбешек,
 Ой, модмыжым ончена. Ой, посмотрим!

Айдыза лай ўдырлакем Давайте-ка, подруженьки мои,
 Кўшкő ўлыч кўзена, Мы вверх по улице пройдемся,
 Кўшыл мучашын ўдырлакын, Да на повадку тамошних девиц мы,
 Ой, койышыштым ончена. Ой, посмотрим!
 (Мари калык муро 1951, 235)

Прилагательные ‘красный’, ‘розовый’, ‘алый’ в песнях используется для обозначения *радости*:

Ойгырен-ойгыренат, түсем пытыш,
 Айста шүргеш ал чиям йыгена.
 Шочшына-лай укелан ялт ям уке,
 Айста төрзаш ал сәськәм шындена.
 (Эрвел марий муро-влак 1994, 133.)

От горя стала бледна,
 Давайте лицо подкрасим в алый цвет.
 Нет у нас родных – радости нету,
 Давайте посадим на окно алые цветы.

Они могут ассоциироваться с *молодостью, красотой* (Эрвел марий муро-влак 1994, 62). *Алый цветок* – может символизировать мать (Эрвел марий муро-влак 1994, 281).

Желтый и синий цвета в сочетании с названиями полевых цветов ассоциируются с *быстротечностью молодости*, а также *красотой любимого/ой друга/подруги*

В саду цветет синий василек.
 Синий василек – молодца век.

На лугах цветет желтый цветок.
 Желтый цветок – девицы век.
 (Песни горных мари 2005, 70–71.)

Лексема «желтое/желтый/желтая» символизирует *тоску и желание* увидеть родных; *горе*, которое рано приводит к старению. *Желтый цветок, желтый цвет* ленты и *желтый платок* могут обозначать *красоту* которой характеризуются любимые девушки или родные.

Белый цветок цветет на болоте, на болоте, Невест красивых полно в этом приходе,
 Желтый цветок цветет на берегу, на берегу. Марии же равных нет никого.
 (Песни горных мари 2005, 378–379.)

В песнях горных мари *желтый цвет* ленты, платка, фартука или рубашки символизирует *красоту* во многих текстах.

Тоскливое состояние человека, в связи с разлукой с близкими людьми и родственниками, передается лексемами ‘синий’ или ‘голубой’.

Стояла, смотрела на небосвод.
 Дивилась, как голубые облака плывут.

Думала, вспоминала,
 Только у меня нет друга
 (Песни горных мари 2005, 124–125).

Потеря – смерть родного человека – символизируется *голубым цветком*. Старение человека вызывает *печаль* и *тоску*, сожаления по поводу ушедшей молодости тоже передаются с помощью *голубого цвета*. Этот цвет может означать *обман*. Он же ассоциируется с *сиротством*.

Молодость, как и *незрелость*, выражается в проанализированных текстах песен прилагательным ‘зеленый’.

Ужар гына лепеньын шулдыржо дене
 Вургем ыштен чиялше уло гын?
 Ужар гына вuemым, ужар капемым
 Айдемешат шотлышо уло гын?
 (Эрвел марий муро-влак 1994, 109.)

Из крылышек зеленой бабочки
 Шьет ли кто себе одежды?
 С моей зеленой головой, зеленым телом
 Считается ли кто из людей?

Однако сочетание ‘*зелень-синь*’ символизирует *красоту мира*.

Лексема ‘золотой’ может использоваться как в прямом значении при описании ювелирных украшений, так и в переносном, обозначая *богатство*. Может реализовать и значение ‘любимый’, ‘любимая’, когда речь идет о *родном крае* или о *родителях*. Частотна она и в значении ‘красивый’, ‘красивая’, ‘хороший’.

Значение *коричневого* цвета ассоциируется с *красотой*. Это – *коричневые бусы, коричневый костюм любимого, коричневый пояс* для любимого, *коричневая кайма платка, коричневые сани, коричневая кибитка*.

Серая утка – символ любимой девушки. Иметь *серые глаза*, по мнению поющей – не очень хорошо, надо быть черноокой. Когда девушка подрастает, не нужно смотреть на нее *серыми глазами*. По контексту, выявляется значение ‘с завистью’ или ‘с неприязнью’. Лексема *сур, лудо* ‘серый, серая, серое’ используется так же для описания цвета мыши или кошки в шуточных или детских песнях.

Заключение

История изучения символа насчитывает многие столетия. Символ сопоставляется с такими категориями искусства и литературы, как знак, аллегория, персонификация, художественный образ, тип, метафора, миф. Ученые пишут о соотношении знака и символа, интерпретируют символ в искусстве, литературоведении, философии, предлагают разнообразные дефиниции в различных направлениях и школах семиотики. Символы, будучи архаичными по своей природе, представляют собой наиболее устойчивые элементы культуры этносов, что обеспечивает неослабевающий интерес к их структуре и семантике. в статье предлагается рабочее определение символа, которое дополняет уже существующую дефиницию, общепринятую в фольклоре. Вводятся параметры символа, которые могут быть количественно измерены, что дает основание для последующего сравнения символов не только одного, но и нескольких этносов.

В марийской песенной культуре были определены пять ведущих подсистем символов, с помощью составления рейтинга подсистем была выявлена частотность использования различных групп символов. Колоронимическая символика занимает второе по распространенности место среди всех символов этноса. Символизм цвета в различных культурах, также как и природа символа, имеет длительную историю изучения. Однако колоронимическая символика финно-угров на материале песен, в частности, мари, никогда не подвергалась исследованию с предлагаемых методологических позиций. Триада доминирующих цветовых символов марийской песенной культуры – это белый, черный и серебряный. Их семантика, с одной стороны, совпадает со значениями данных цветов предметов у других этносов, а, с другой, характеризуется определенными отличиями, что наглядно показано примерами из песен и представлено в таблице 3.

В качестве своеобразного подведения итога можно составить обобщенную таблицу по символике цвета мари, которая демонстрирует многозначность слов-цветообозначений в изученном материале.

Название символа	Семантика
1-я группа подсистемы символов	
Белый	Жизнь с родней, светлая радостная жизнь в семье; чистота в доме; наивность, надежды юности, светлые чувства любви; горе; достаток; красота; уважение
Черный	Горе, тоска, чужбина, опасность; красота вещей, красота внешности любимого человека
Черная смородина (при описании глаз)	Готовность девушки к браку
Серебряный	Любимый друг; красота; материальное состояние (небедность, связанная с наличием ювелирных украшений)
2-я группа подсистемы символов	
Красный, розовый, алый	Радость, молодость, красота
Желтый	Тоска по родным; красота, радость
Зеленый	Молодость, незрелость
3–4-я группы подсистемы символов	
Синий/голубой	Тоска по родным; печаль по ушедшей молодости; смерть; обман
Золотой	Достаток / богатство (наличие ювелирных украшений); любимый (о родственниках, родном крае, родителях); красивый; хороший
Коричневый	Красота (вещей)
Серый	Обыкновенный, неяркий, невыделяющийся

Табл. 3. Символика цвета в мари́йских народных песнях

Список использованной литературы

- Berlin, Brent & Kay, Paul 1969: *Basic Color Terms: Their Universality and Evolution*. Berkeley – Los Angeles: University of California Press.
- Saarinen, Sirkka 1991: *Marilaisen arvoituksien kielioppi*. Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 210. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Turner, Edith 1997: *Symbolic Anthropology*. – Thomas A. Green (ред.), *Folklore. Encyclopedia of Beliefs, Customs, Tales, Music and Art*. Volume 1. Santa Barbara (Calif.): ABC-CLIO. 25–29.
- Аверинцев, С. С. 2001: Символ. – Аверинцев, С. С., *София-Логос*. Киев: Дух і Літера. 155–161.
- Аккорин, В. А. 1982: О некоторых проблемах изучения поэтики легенд и преданий. – *Вопросы мари́йского фольклора и искусства*. Вып. 3. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. 3–18.

- Бердников, В. М. & Тудоровская, Е. А. 1945: *Поэтика марийских народных песен*. Йошкар-Ола: Маргосиздат.
- Веселовский, А. Н. 1940: *Историческая поэтика*. Л.: Гослитиздат.
- Вежбицкая, Анна 1996: *Язык. Культура. Познание*. М.: Русские словари.
- Гете, И. В. 1957: К учению о цвете. Хроматика. – *Избранные сочинения по естествознанию*. М. – Л.: Изд-во АН СССР. 300–340.
- Глухов, В. А. & Глухова, Н. Н. 2007: *Системная реконструкция марийской этнической идентичности*. Йошкар-Ола: Стринг.
- 2012: *Системы символов песен финно-угров Урало-Поволжья*. М.: Спецкнига.
- Глухова, Н. Н. 1998: *Информативность и поэтика марийских языческих молитв*. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т.
- 1996: *Структура и стиль текстов марийских заговоров*. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т.
- Дерибере, Морис 1964: *Цвет в деятельности человека: переводное издание*, сокр. пер. с фр. А. М. Григорьев. М.: Стройиздат.
- Иванов, И. Г. 1975: О языке одного из жанров марийского фольклора. – *Вопросы марийского языка*. Йошкар-Ола: Маргосиздат. 65–75.
- Калиев, Ю. А. 2003: *Мифологическое сознание мари. Феноменология традиционного мировосприятия*. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т.
- Китиков, А. Е. 1973: *Марийские народные загадки*. – Йошкар-Ола: Маркнигоиздат.
- 1989: *Своеобразие пословиц и поговорок финно-угорских народов Поволжья и Приуралья (к проблеме национального и интернационального)*. Йошкар-Ола: МарНИИ.
- Лосев, А. Ф. 1995: *Проблема символа и реалистическое искусство*. М.: Искусство.
- Лотман, Ю. М. 2000: *Семиосфера*. СПб.: Искусство-СПб.
- 1992: Символ в системе культуры. – Ю. М. Лотман, *Избранные статьи в трех томах*. Т. I: Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллинн: «Александра». 191–199.
- Петров, В. Н. 1993: *Марий Ю: Тўрлө локтымо, чер, мужо ваитареш шўведымаш*. Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш.
- Потебня, А. А. 1989: *Слово и миф*. М.: Правда.
- Сабитов, С. С. 1986: История публикации и изучения марийских сказок в советское время. – *Проблемы изучения марийского фольклора и искусства*. Вып. 5. Вопросы марийского фольклора и искусства. Йошкар-Ола: МарНИИ. 38–55.
- Соколов, Ю. М. 1941: *Русский фольклор*. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР.
- Тойдыбекова, Л. С. 1997: *Марийская языческая вера и этническое самосознание*. Йоэнсуу: Изд-во Карельского института Университета Йоэнсуу.
- Фрумкина, Р. М. 1984: *Цвет, смысл, сходство*. Москва: Наука.
- Шпенглер, Освальд. 2000: *Закат Европы*. Минск: Харвест, М.: АСТ.
- Яньшин, В. П. 2006: *Психосемантика цвета*. СПб.: Речь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Кульшетов, Д. М. 1990: *Шернур корнет. Марий калык муро-влак*. Йошкар-Ола: Республиканский методический центр министерства культуры МАССР.
- Марий калык муро, 1951: *Марийские народные песни*, сост. В. Коукаль; Л., М.: Гос. муз. изд-во.
- Поделков, С. 1976: *Марийские народные песни*, пер. С. Поделкова. 2-е изд. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во.
- Песни горных мари, 2005: *Песни горных мари = Кырык мари халык мырывлӓ*. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ им. В. М. Васильева.
- Эрвел марий муро-влак, 1994: *Эрвел мари муро-влак = Песни восточных мари*, сост. Г. Гадиатов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во.